

Яков ШЕХТЕР

Откуда взялась наша надежда

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ ОБ ИЗРАИЛЬСКОМ ГИМНЕ

Недавно мы с женой побывали в Праге. Перед входом в королевский дворец на Градчанах толпилась группа израильских туристов. Группа стояла, онемев, с широко раскрытыми от изумления ртами.

Еще бы: прямо у входа, под памятником Масарику, оркестр ультраортодоксальных евреев исполнял "а-Тикву". Израильцы, читающие эту статью, поймут всю странность и загадочность подобного зрелища, а не живущим на Святой Земле я предлагаю поверить на слово — иначе пояснения займут несколько страниц.

Мы с женой переглянулись, моментально сообразив, в чем тут дело, и принялись ожидать развязки. Спустя несколько минут к начинавшим отходить от каменного оцепенения туристам вернулся гид, ходивший, по-видимому, отмечать входные билеты.

— Видите ли, — объяснил он, — бороды, черные шляпы и черные костюмы вовсе не являются однозначной принадлежностью еврейских ультраортодоксов. В Чехии, например, так одеваются музыканты.

— Но почему они играют "а-Тикву"? — не унимались туристы.

— Ну, — предположил гид, — наверное, они увидели группу израильтян и в знак приветствия исполнили наш гимн. Чехи вообще очень гостеприимная нация, вы разве не заметили?

— Заметили, заметили, — закивали туристы, и в футляр от контрабаса, призывно распахнутый на мостовой перед оркестриком, посыпались монетки.

Довольная группа двинулась на осмотр дворца, а мы продолжали слушать симфоническую поэму Бедржиха Сметаны.

— А все-таки, — спросила жена, — как получилось, что гимн государства вырос из малоизвестного музыкального произведения? Неужели прямое заимствование? Но почему именно отсюда?

Добравшись до первого кафе, обещающего бесплатный Wi-Fi, я заказал чашечку кофе с рюмкой абсента — чем еще может оживить душу в некошерной Праге голодный еврейский турист? — вытащил смартфон и погрузился в первый слой расследования. С ходу выяснилось следующее.

В симфонической поэме "Влтава" Сметана описывает одну из крупнейших чешских рек. Наигранные флейты в начале поэмы изображают спокойное течение Влтавы, звуки труб и валторн — охоту в лесу на её берегах, ритм весёлой польки — крестьянскую свадьбу, тихая мелодия у скрипок на фоне "переливов" деревянных духовых — ночные хорыводы русалок. Во "Влтаве" несколько раз звучит мотив, основанный на народной итальянской песне "La Mantovana". В Чехии эта мелодия считается неофициальным национальным гимном. Позднее она же легла в основу гимна Израиля — "а-Тиква". Поэма была написана в ноябре — декабре 1874 года.

И тут мне стало обидно. Неужели у еврейского народа с его сотнями нобелевских лауреатов и бесчисленными музыкальными талантами не оставалось иного выхода, как утащить для своего гимна мелодию второстепенного чешского композитора?

Вернувшись домой, я стал наводить справки и вскоре узнал, что не я один пришел в замешательство и что известная израильская пианистка и музыковед Астрид Бальцан провела почти восьмилетнее расследование и написала об "а-Тикве" целую книгу. Книгу эту — увы — просто так купить невозможно,

Бальцан продает ее только на своих лекциях. Пришлось пойти на лекцию.

Лекция была блестящей, книга — замечательной. Я получил ответ на все свои вопросы. Бальцан не просто развязала узелочки, но и подтвердила каждый шаг расследования фотографиями, нотами и копиями документов. В книге около 150 страниц, то есть в переводе на русский язык примерно двести. Я изложу только общий ход расследования, а жаждущие доказательств могут отыскать книгу Астрид Бальцан и воочию убедиться самостоятельно.

Мелодия "а-Тиквы" известна уже 600 лет. Это молитва о росе, "биркат аталь" испанских евреев. Бальцан нашла в Амстердаме ноты трехсотлетней давности со словами молитвы о росе. Часть испанских евреев, спасаясь от инквизиции, оказалась в Италии, где эта мелодия понравилась музыкальным итальянцам, и они превратили ее в народную песенку. Ее услышал Моцарт и написал на эту тему фортепианную пьесу, которую играл в Праге. Сметана, вдохновленный пьесой Моцарта, вставил ее в сюиту "Влтава". В общем, если говорить о заимствовании, то обвиняющий палец нужно направить в сторону многоуважаемого чешского композитора. А наш гимн — самая что ни на есть национальная еврейская мелодия!

Но как возникла такая коннотация? Почему во всех справочниках еврейский гимн однозначно увязан с произведением Сметаны? Об этом — чуть позже.

Когда новый репатриант из Румынии Шмуэль Коэн приспособил "а-Тикву" Нафтали-Герца Имбера на мотив "Ой-са", народной песенки румынских извозчиков, он вообще не думал о Сметане и, я почти уверен, фамилии такой никогда не слышал. Стихотворение Имбера полюбилось жителям Реховота, одним из которых был Шмуэль Коэн.

Надо сказать, к тому времени стихотворение претерпело значительные изменения. Давид Елин, основатель "Ваад Халашон Хаиврит", комиссии по внедрению иврита в Палестине, изменил порядок четверостиший, Иегуда-Лейб Матмон-Коэн, директор первой еврейской гимназии "Герцлия", переделал второе четверостишие, а оставшиеся семь попросту выкинул.

Имбер не получил признания, как поэт. Его книга "Баркай" — "Заря", содержавшая стихотворение "а-Тиква", была разгромлена критикой. Элизер бен Иегуда обвинил его в незнании грамматики иврита, другие ивритские писатели указывали на неправильную огласовку, небрежную, хромающую рифмовку и слабую поэтическую технику. Как писали в одном из отзывов: все это указывает на лень автора, и его халатность в работе с текстом, и — самое главное — непрофессионализм. В истории литературы Израиля Нафтали-Герц Имбер вошел как автор одного стихотворения.

Но мнение профессионалов — одно, а народная любовь — совсем другое. Шмуэль Коэн задал мелодическую основу, песню начали петь, изменять, притирать и шлифовать, и, в конце концов, она превратилась в гимн. А было это так...

Герцль и Макс Нордау устроили конкурс на сочинение национального гимна. Приз составлял по тем временам немалую сумму — пятьсот франков. Но честь была куда выше стоимости награды, и на конкурс было подано сорок пять произведений известных авторов. Прослушав их, Герцль и Нордау без коле-

баний отправили все варианты в корзину.

И вот во время посещения Палестины Герцль оказался в Реховоте. Пророка еврейского государства встречали с восторгом, и в его честь хор местных жителей исполнил песню на уже известное к тому времени стихотворение "а-Тиква" в музыкальной интерпретации Коэна. Я не могу себе точно представить, как оно произошло, возможно, Герцль поднял указательный палец и сказал: "О!" — а возможно, столь откровенно еврейская мимика была чужда венскому интеллигенту и он просто попросил списать слова и мелодию... Однако именно с этого момента "а-Тиква" начинает фигурировать в качестве национального гимна.

Итак, Сметана тут совсем ни при чем. А кто же при чем? Неужели безымянный румынский биндюжник? Тоже, знаете, невелика честь...

Вот что пишет в своем фундаментальном исследовании о происхождении мелодии "а-Тиквы" композитор и музыковед Авраам Цви Идельсон:

"...речь идет о блуждающем мотиве, который много лет гулял по просторам Европы. Он берет свое начало в испанских синагогах XIV века, превращается в популярную итальянскую песню, распространяется скрипачом Каспаро Занти в XVII веке, продолжается в ашкеназских синагогах в молитве "Да возвеличитесь Всевышний" XVIII века, а оттуда перекочевывает в народные песни Польши, Румынии и Чехии".

Получается, что безымянный румынский биндюжник напевал мелодию из синагоги, а наш гимн — все-таки исконно еврейская мелодия.

Весьма занимательна история оркестровки "а-Тиквы". До возникновения государства ее обычно исполнял оркестр пожарной команды Тель-Авива. Нот не было, играли на слух, по наитию. В аранжировке симфонического оркестра "а-Тиква" прозвучала только один раз, в 1937 году, во время празднеств по случаю коронации Георга VI. Торжественный вечер открывался гимном Британии, которая тогда правила Палестиной. Из Англии специально выписали дирижера, сэра Малькольма Сарджента. Заодно с "Боже, храни короля" он сделал и оркестровку "а-Тиквы", однако нот не оставил.

В октябре 1945 года в Тель-Авиве появился знаменитый итальянский дирижер, звезда мировой величины Бернардино Молилари.

— Меня сюда позвала Дева Мария, — не смущаясь, заявлял он. — Она явилась во сне и велела ехать в Палестину, помогать евреям. В то время попасть в Палестину было весьма непросто, но знаменитый дирижер пустил в ход свои связи и прилетел в Тель-Авив на английском бомбардировщике.

Молилари на добровольных началах, то есть совершенно бесплатно, взялся руководить тель-авивским симфоническим оркестром. Мировая знаменитость сразу вывела оркестр на иной уровень. Он был весьма эксцентричным человеком, каким может быть только настоящему гениальному дирижеру. Всякий раз, становясь за пюпитр, он одной рукой поднимал дирижерскую палочку, второй оглаживал натальный крест и что-то шептал.

Перед одним из торжеств он заявил, что такого рода события должны открываться гимном.

— Где ваш гимн? — спросил он у музыкантов. — Дайте мне ноты!

— Гимн-то есть, — ответил капельмейстер, — но нет оркестровки.

— Как же так?! — вскричал Молилари. — У вас же перед войной выступал сам Артуро Тосканини. Неужели он не оставил ноты?

— Маэстро Тосканини, — ответил капельмейстер, — в знак протеста против фашизма, принципиально избегал любых государственных мелодий. Так что, увы...

— Как же у вас исполняют гимн? — удивился дирижер.

— Его играет оркестр пожарной команды, — развел руками капельмейстер. — Им ноты ни к чему, сами понимаете, дудят, во что попало...

— Напишите мне ваш гимн, — распорядился Молилари. — Я напишу оркестровку.

Так "а-Тиква" зазвучала в симфоническом исполнении.

В 1949 году, когда Израиль начал охотиться за нацистами и их пособниками, Молилари внезапно исчез. Зная его эксцентричный характер, никто не удивился. Он неожиданно приехал и так же неожиданно пропал. Подробности стали известны спустя несколько лет.

Дирижер вернулся в Италию и сразу был арестован по подозрению в содействии фашистам. Допросы однозначно установили его виновность. Выяснилось, что Молилари передал фашистам некую информацию о еврейских музыкантах его оркестра. Обвинительных материалов не хватило для судебного осуждения, но подавленный Молилари добровольно заточил себя в монастырь и после четырех лет пребывания в полном одиночестве умер в возрасте 72 лет.

Когда эти сведения докатились до Израэля, его оркестровку "а-Тиквы" немедленно изъяли из употребления. Немецкий композитор и дирижер еврейского происхождения Пауль Бен-Хаим (Франкенбургер) выполнил новую оркестровку, которая и стала официальной версией гимна.

В 1967 году, после Шестидневной войны, на горе Скопус готовили торжественную церемонию победы, с участием президента, премьер-министра, главнокомандующего и вообще всех важных особ в государстве. Дирижировать симфоническим оркестром пригласили самого Леонардо Бернштейна. Когда начали репетировать "а-Тикву", Бернштейн скривился:

— Что это такое? У вас же был другой, прекрасный вариант! Где он?

Ему объяснили, в чем дело.

— Неужели вы не понимаете?! — произнес Бернштейн. — Молилари приехал в Тель-Авив просить у евреев прощения. Он, как умел, пытался заглянуть свою вину.

Оркестр исполнил "а-Тикву" по нотам Бернардо Молилари. С тех пор и до сегодняшнего дня гимн исполняется только в этой оркестровке.

Так что же все-таки со Сметаной? Почему во всех энциклопедиях и справочниках "а-Тиква" связывается с симфонической поэмой "Влтава"?

А дело вот в чем. В тридцатые годы, когда отношения между британцами и еврейским ишувом в Палестине натянулись до предела, мандатные власти запретили транслировать по радио патристические песни, подхлестывавшие, по их мнению, национальное самосознание еврейских фанатиков. В первую очередь была запрещена "а-Тиква" и вот тогда-то почти каждый день радио передавало симфоническую поэму Бедржиха Сметаны. Возможно, поэтом и сложилось мнение, будто именно она послужила основой для гимна еврейского государства.

Илья Рейдерман
Стихи из новой книги

Пописай, пописай, собака,
на оперный старый театр.
Хозяйка собаки, однако,
тем более просится в кадр.
Должно быть, она музыкальна
(иль попросту рядом живет).
...Мне слышится голос хрустальный,
что по-итальянски поет.
Я словно во времени этом,
что лет полтора назад.
Сижу себе гордым поэтом,
лорнирую ложи и рад
той рифме, в которой нежданно
сливаются облик и звук.
Она! Как всегда — несказанна!
И в сердце — сладчайший испуг.
Кладутся на музыку очи,
капризные линии рта.

Люблю я! Люблю тебя! Очень!
Но что-то не так? Неспроста...
Я век перепутал, однако.
И тихо в театре пустом.
Скажи мне, скажи мне, собака,
зачем мы, поэты, живем?

Участвуя в давно известной драме
и даже зная, будет что потом,
собою будь — лепи слова губами,
произноси их пересохшим ртом.
Хоть что они? Слова, слова, слова...
Летающий воздух —
детский шар воздушный!
Неужто истина еще жива,
души касаясь чьей-то равнодушной?

Всё сказано, превращено в клише.
Но не смущайся, повторяй за теми,
кто глубоко нырнул в немеющее время,
выныривая в вечности уже.

Евгению Голубовскому
*О, сколько самообладания
у лошадей простого звания,
не обращающих внимания
на трудности существования.*
Анатолий Фиолетов.

Есть Багрицкий, и есть Фиолетов...
Сколько в радуге разных цветов!
Яркой краскою метит поэт
этот лучший из всех городов.
Здесь поэт — непременно художник.
Как он краски бросает, злодей!
Из острога сбжавший острожник,
упоенный свободой своей.
Как он любит неосторожно,
как он неосторожно живёт!

Невозможное — всё же возможно.
Чистый цвет нам дарит небосвод.
Эти краски — из райского сада,
те, какими их выдумал Бог.
И такое неистовство взгляда —
позавидует даже Ван Гог!
Разве нет уже этих поэтов?
Разве слову цветному — конец?
Ночью неба клочок — фиолетов,
а деревья — одеты в багнец.
Ну а нынешние, молодые?
Я готов им простить все грехи —
пусть берут псевдонимы цветные,
чтобы радугой были стихи!
Жизнь, быть может, излишне сурова,
да и город — как будто не тот,
но основа всего — это слово,
что сияет с небесных высот.
Только выдохни воздух из лёгких —
чтобы шарик воздушный взлетел.
Может, дело — не очень из лёгких,
ну да что же — таков наш удел.
Ношу, лошадь, вези, хоть крылата —
пусть устала и сил маловато...
Ну а трудности существования
в самом деле — не стоят вниманья.